

жимания лежа?» Уже во дворе сын бросал на землю сумку и быстро отжимался положенное число раз, после чего вся компания отправлялась дальше.

Конфликта отцов и детей, войны поколений — всего того, что «Стоунз» потом озвучивали своей музыкой, в доме Джаггеров практически не было. Возможно, единственным «бунтарским» актом Мика был его уход из Лондонской школы экономики, которую он бросил после недолгого периода обучения и в которой он и по сей день возглавляет список самых знаменитых ее «недовыпускников». Это были первые лондонские годы «Стоунз», и Джаггер вместе с другом детства Кейтом Ричардсом и Брайаном Джонсом жил в темной неотапливаемой квартирке в грязном районе Челси. «Время от времени, когда становилось невмоготу, Джаггер на несколько дней возвращался домой в Дартфорд. Он не был готов так страдать ради пушистой достоверности своего образа «парня с улицы», — пишет его биограф Лаура Джексон.

Но еще больше, чем достоверность образа «Street Fighting Man», Мика Джаггера интересовал... Мик Джаггер, особенно в его эротических проявлениях. Если он не учился и не играл в футбол, то часами вертелся перед зеркалом, экспериментируя с макияжем, или же разгуливал в negligee по маленькой квартирке в Челси. И делал громогласные заявления о неумности своего сексуально-спортивного духа, хвастаясь, как однажды развелся якобы сразу с тремя девицами. Преувеличенно самовлюбленный вокалист «Стоунз» на полном серьезе предлагал, чтобы на концерте в Монреале его объявили по имени «Мик Мэдджик (волшебный. — Ред.) Джаггер», и вообще хотел переименовать группу в «Мик Джаггер и Роллинг стоунз». Ему тогда было 22, и он уже упорно разучивал роль, в которой блистает сегодня — роль Генерального вокалиста концерна «Роллинг стоунз». Британский политик лорд Рис-Мог как-то заметил: «Даже в своем бунтарском облике «Стоунз» по сути всегда представляли правые позиции, а настоящими левыми были «Битлз». Джаггер уже тогда виделся мне тем, кем он и стал впоследствии — удачливым бизнесменом, занятым собой и своим благосостоянием. Собственно говоря, он был выразителем идеологии тэтчеризма».

Не обходилось и без корпоративных скандалов. Так, в 1965 году Джаггер против воли остальных «роллингов» пробил-таки песню «Satisfaction» — по сию пору величайший хит «Стоунз». Кейт Ричардс: «Будь тогда моя воля, мы бы никогда не выпустили эту песню».

Есть в истории «Стоунз» и печальные страницы. Брошенные жены, внебрачные дети, тюремные камеры, уже вырытые могилы для допившихся, доколовшихся наркотиками до полусмерти и, однако же, выживших «роллингов» — и наконец, реальный могильный камень на могиле захлебнувшегося в бассейне в 1969 году Брайана Джонса, гитариста «Сто-

унз» и вечного соперника Джаггера. Сам Джаггер не хочет вдаваться в подробности тех далеких лет: «Об этом сказано уже так много, может быть, слишком много. Все было так, как было». Сотни раз после этого предрекали конец «Стоунз»; в 80-х Кейт Ричардс объявлял даже «третью мировую войну между мной и Миком».

Дело к вечеру, и к 55-тысячной арене «Скайдом» уже потянулись первые зрители. Сегодня вечером они на протяжении двух с половиной часов будут смотреть и слушать

... и в 60-х годах.

«Стоунз»; некоторые заплатили по 200 долларов за места в первых рядах.

— Ваши знаменитые коллеги вроде Роберта Платта или Рая Дэвиса выражают сочувствие по поводу того, что вам до сих пор приходится «дергаться» на сцене. Некоторые утверждают, что вы испытывали страдания, выступая на телеканале Эм-ти-ви вместе с детьми.

— Если им угодно... Я нормально чувствую себя на Эм-ти-ви, потому что лучше выступать там, чем не выступать вообще. Мы — рок-группа, работающая в суровом бизнесе, и тут уж — как придется. Одни выступления доставляют больше удовольствия, другие меньше. Кроме того, полезно работать с молодыми музыкантами, мы обмениваемся вдохновением. Так в чем, собственно, проблема?

— На веб-сайте «Стоунз» есть ваши слова о том, что «надоело каждый раз слышать вопрос, последнее ли это турне группы».

— Так ведь и правда, надоело. Откуда мне знать — последнее или нет? Кейту, Чарли, Рону и мне хорошо вместе, и каждый раз, когда мы долго не видимся, мы понимаем, как сильно нам друг друга не хватает. А я люблю бы на эстраде, это до сих пор потрясающе.

И вообще кто может знать, когда бросит работу, которая доставляет удовольствие?

Американский музыкальный историк Грейл Маркус как-то заметил, что не стоит обижаться на Джаггера за то, что он «раз в два года режет себя по живому, чтобы проверить, способны ли еще чувствовать боль».

— Не устали играть «Satisfaction» и «Sympathy For The Devil»?

— Публика заплатила деньги, чтобы послушать «Стоунз», и мы играем свой хит — это же нормально! К тому же по прошествии 30 лет все еще бывает так, что мы находим какой-нибудь новый гитарный ход или другую аранжировку. У Кейта в старых песнях всегда отыскивается что-нибудь, чего он еще не пробовал. Мы большинство наших концертов начинаем с «Satisfaction», потому что я в этот момент бегаю по сцене и сразу чувствую, что за публика передо мной сегодня. После столько лет нужна всего минута-другая, чтобы разглядеть, где сидят богатые и бедные, где грустные мужчины, а где красивые женщины. После этого я уже знаю, что делать дальше.

— В сравнении со склонностью к гигантизму других групп «Стоунз» на этом раз выглядят почти что скромно.

— Я же никогда не видел наших шоу со стороны — ну разве что на видео, но я чувствую, что их хорошо принимают. И мы тоже постарались дать публике больше. Во втором отделении мы выезжаем по гидравлическому мостику на маленькую сцену прямо в гуще публики и там исполняем несколько песен. Всегда интереснее играть, когда видишь глаза людей. Да и им порядком надоело видеть где-то далеко на сцене человека с микрофоном. Они просто не могут поверить, что это и есть их звезда.

— На многих из тех, что идут сейчас на концерт, майки и бейсболки с символикой «Стоунз». Что ни говори, а мерчендайзинг дает 20 процентов оборота. Есть в продаже даже мячи для гольфа с их логотипом.

— Мячи для гольфа? — возмущается Джаггер. — Это за бред... Мы такого не продаем.

— Продаете, продаете — на вашем сервере в Интернет, пожалуйста, 11,99 доллара за три мяча. Но, разумеется, Его Величеству простиительно не помнить о таких мелочах.

— Я контролирую большинство вещей в нашем мерчендайзинге и, по-моему, кое-что надо оттуда выкинуть.

— В Германии билеты на десять ваших концертов дорожили как никогда — как правило, около 100 марок. Есть ли предел?

— 100 марок? Вы уверены? Это, наверное, высшая категория, а должны быть и обычные билеты по нормальным ценам. Всегда есть категории, мы сами так хотели.

Как же, хотели вы... Все билеты на здешние концерты стоят как минимум 100 марок, а в некоторых городах значительно дороже. Дорого это удовольствие, заполучить «роллингов» к себе в страну. Берлинскому продюсеру Петеру Швенкову пришлось выложить на стол 42 миллиона марок и толстенный контракт, в котором оговорена даже доля выручки «Стоунз» за каждую кружку пива, проданную на стадионах.

Четыре часа спустя в «Скайдоме». Нужно находиться у самой сцены, чтобы постичь истинного Джаггера. Такое впечатление, что человека только что выпустили из клетки. Он носится слева направо и к публике, нагибается к ней, загибает руками, и кажется, что пьет и вдыхает ее восторг, осыпает им себя с головы до ног и снова как безумный скачет по кругу. «С ним тяжело работать, — замечает режиссер шоу Джек Берри. — Кажется, что на сцене сразу три Мика».

Возможно, один из секретов «Стоунз» в том, что они каждый раз заново себя изобретают. От вещей вроде «Gimme Shelter» или «Brown Sugar» исходит такая энергия, будто Джаггер с Ричардсом написали их только вчера. Больше всего главный «роллинг» верен себе в образе дьявола, который то яростно ревет на весь мир, то печально сидит, скрежив кривые ноги, за клавиатурой и «выплакивает» из себя балладу «Memory Motel». «Стоунз» целенаправленно вползают в умы своих слушателей и поражают их в то самое место, где свербит тоска по ушедшей юности. «Ах, как тяжело бывает стареть...» — поется в песне «Mother's Little Helper», и внимательный зритель заметит, как всякий раз ухмыляется Джаггер, когда с его уст слетает эта фраза.

День в обществе с Миком Джаггером заканчивается в час ночи. Он теперь улетает к жене и четверым своим детям, чтобы с головой окунуться в кинобизнес в качестве продюсера. Будет проводить пресс-конференции, вкладывать миллионы долларов в экранизацию бестселлера Роберта Харриса «Энигма», а потом снова гастроли...

Шумными улицами Торонто возвращаюсь в отель. Из баров доносятся обрывки «Midnight Rambler» или «Honky Tonk Woman». Портые в отеле, толстый негр в ливрее, интересуется: «Ну, как там «Стоунз»?

— Клево, просто клево!

— «Good to feel fresh again», — блаженно улыбается негр и рубит рукой воздух, как будто бьет по струнам гитары: «Да-даа, дад-даа-даа...»